

D 293

29 октября 1952 г.

Секретарю ЦК КПСС
тов. Суслову М.А.

<ВТОРОЕ ПИСЬМО Н.П. КАРПОВСКОГО>

Отклонение Центральным Комитетом партии большого количества оригиналов плакатов, предварительно тщательно принимавшихся и отбирающихся всеми инстанциями, вызвало у последних растерянность. Эти товарищи обожлись на горячем и теперь уже дуют на холодное! Вред от этого колоссальный.

Случайно брошенное неосторожное слово решает судьбу плаката.

Так, член худсовета, писатель Маршак, при обсуждении оригинала Б. Ефимова и Лаврова пошутил со свойственным ему юмором, что, мол, образ рабочего похож на шофера, который работает "налево".

И вот, в порядке перестраховки худсовет обязал художников переделать образ рабочего, просто так, на всякий случай. А ведь образ-то был хороший. Это бесспорно. До худсовета он был апробирован специалистами, не уступающими своим опытом и знаниями членам худсовета, из которых многие являются членами художественного совета. Таких случаев много.

Нет такой работы, в которой нельзя найти при желании недостатков. Они есть и в работах гениальных художников – Репина, Сурикова, Серова и Айвазовского. Но это еще не значит, что без соответствующего исправления эти работы нельзя считать произведениями.

Попытаешься исправить, замажешь краской то, что было – не достигнешь желаемого результата, и уже как ни будешь биться, не сможешь вернуть и того, что было раньше. Таким образом, искалечено много работ, которые усердно опекали пресловутые "восемь няnek", у которых живопись "без носа".

Необходимо считаться с автором и его индивидуальностью. Я стою на той точке зрения, что нельзя насиловать автора¹¹⁷⁰ вопреки его творческому замыслу. (Я не имею в виду те работы, которые просто неграмотны, антихудожественны или еще не завершены). Вот почему я настаиваю, чтобы художественному совету вменить в обязанность функции консультативного органа.

В настоящее время роль автора сведена к нулю. Он в обязательном порядке должен исправлять заодно с приемлемым для себя и заведомо то, что считает даже невозможным. Это факт неуважения к творческому работнику.

¹¹⁷⁰ Здесь и ниже подчеркнуто в документе.

Я утверждаю, что если принять мое предложение, то будут спасены от гибели много работ, и брак снизится. Кроме того, это избавит Центральный Комитет от излишнего беспокойства со стороны отдельных художников, у которых возникают и будут возникать недоразумения с художественным советом.

Если писатель имеет возможность путем сравнения всех своих рукописей выбрать наиболее удачный вариант, и правда, в конце концов, восторжествует, то у художника таковой возможности нет. Его "вариации" под нажимом "нянек" чреватны печальными последствиями: испорченная работа уже не может быть восстановлена.

Я не сомневаюсь, что рано или поздно это мое предложение принять придется. Ведь факты показали, что существующее положение с плакатом и при 20 членах художественного совета далеко не благополучно (Центральный Комитет бракует более 50% оригиналов). Оно останется без изменения и при количестве 40 членов, и при 60. Становится ясным, что дело не в количестве, а в сути, в содержании, в форме работы. Тем, что художникам будет оказано больше доверия и самостоятельности, они с помощью художественного совета (небольшого) смогут добиться резкого снижения брака. Ведь само слово "художественный СОВЕТ" означает не ПРИКАЗ, а только помощь, консультацию в виде совета. А в существующей практике слово СОВЕТ подменено неукоснительным приказом, распоряжением. Это неправильно. Оно идет в разрез самого существа дела творческой обстановки, где, как и в любой области, истина рождается не путем зажима, администрирования, а путем свободной борьбы мнений.

Если в творческих организациях (МТХ, Худфонд и др.) художественный совет утверждает произведения как окончательная и последняя инстанция, то это понятно, т.к. в этом заключаются его основные функции. Да и произведения-то в одном экземпляре! В политическом плакате, где тиражи сотни тысяч экземпляров, дело совершенно другое. Здесь окончательной инстанцией, как известно, является Центральный Комитет нашей партии, а художественному совету, естественно, должно быть вменено в обязанность помогать, советовать автору, но никак не приказывать и безоговорочно решать судьбу оригинала плаката. Только последней утверждающей инстанции может быть дано право окончательного решения исхода дела, т.е. отклонения работы или утверждения. Только Центральный Комитет нашей партии может это делать, только он, которому мы все безгранично верим, может решать судьбу нашего творчества.

Ввиду вышеизложенного, я считаю крайне необходимым пересмотреть функции художественного совета в политическом плакате, в чем назрела жгучая потребность, что подтвердилось практикой, жизнью.

Художник, член Коммунистической партии,
Заслуженный деятель искусств *Н. Карповский*

29 октября 1952 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 379. Л. 107–108.